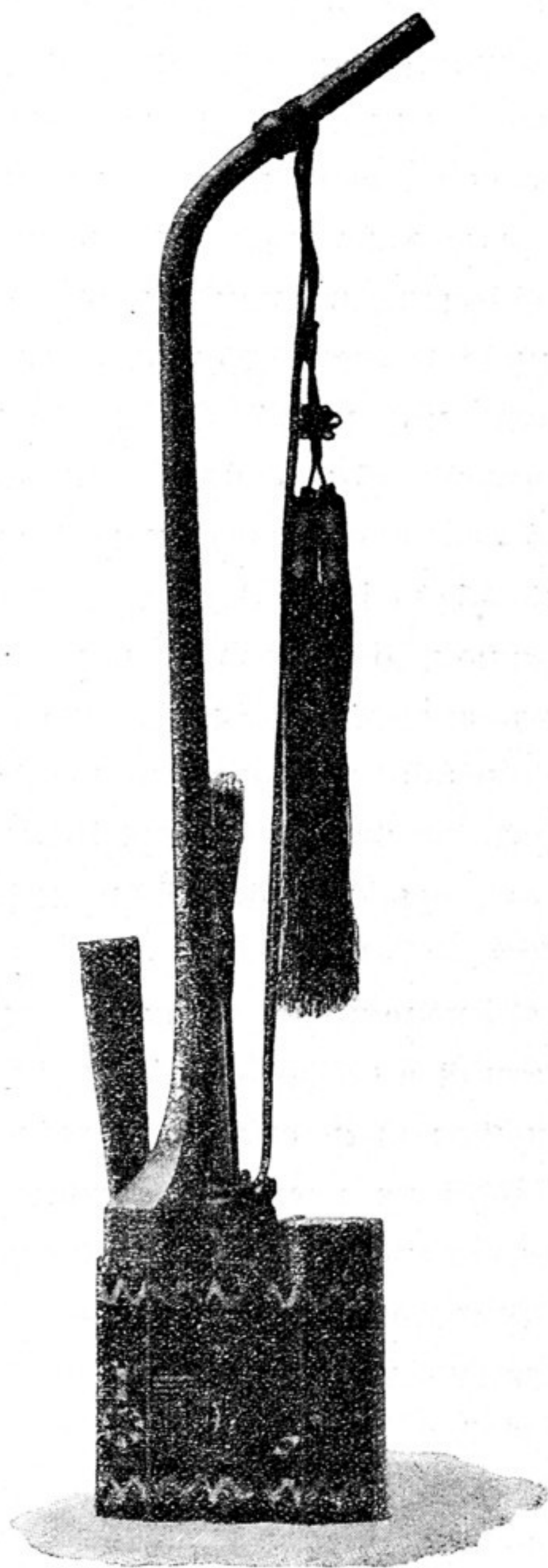

по признанію самого хозяина, было то что у него въ Пекинѣ, во время разгрома, безъ-вѣсти пропала шестнадцати-лѣтняя красавица дочь... Справившись съ собой дао-тай сталъ забрасывать меня вопросами о путешествіи, о дикихъ племенахъ Тибета, о нашихъ съ ними стычкахъ; между прочимъ его занимали и такого рода вопросы — много ли осталось въ Тибетѣ мѣстъ еще не изслѣдованныхъ, доволенъ-ли я самъ географическими новостями и всякого рода научными коллекціями, собранными экспедиціей, скоро ли я отправлюсь въ новое путешествіе и многіе другіе въ этомъ родѣ. Въ заключеніе губернаторъ замѣтилъ: „слава Богу что вы возвратились съ честью и со славой; и ваше, и наше государства гордятся подобными людьми, а все-таки, на будущее время, избѣгайте такихъ дикихъ мѣстъ“. Во время продолжительнаго разговора за неизмѣннымъ чаемъ, любезный дао-тай извинялся, что не можетъ насъ угостить шампанскимъ, которое онъ любитъ и къ которому его приучили русскіе знакомые. Затѣмъ, онъ предложилъ моему сотруднику коробочку папиросъ; видя что тотъ съ жадностью набросился на нихъ и сталъ уничтожать одну папиросу за другою, онъ принесъ еще нѣсколько коробочекъ и принудилъ Ладыгина взять и эти. Самъ хозяинъ отъ времени до времени покуривалъ изъ китайскаго кальяна, художественно отдѣланнаго разноцвѣтной эмалью въ соединеніи съ бирюзой и бронзой. Въ пріемной губернатора, какъ и въ пріемной Цинъ-цай'я, стоялъ его многочисленный дворъ — адъютанты, чиновники, различные низшіе служащіе и обыкновенная публика; впрочемъ послѣдняя и большинство низшихъ служащихъ помѣщались главнымъ образомъ во дворѣ. Со двора же,

Китайскій кальянъ.